

THE CHURCH LEXICON AS A LEXICAL CATEGORY

Nikita S. Makarov

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article focuses on the study of church lexicon as a lexical category. The aim of this article is to analyze and compare different linguistic points of view on the key stages of church lexicon development in the Russian and English languages, to determine a working definition of the category “church lexicon”, as well as its most important elements.

In order to achieve this goal, the methods of analyzing sources, their subsequent comparison and contrast, identification of analogies and similarities were used, as well as synthesis of information extracted from these sources.

The material includes dissertations, scientific articles and other works of modern Russian scholars considering the concepts “church lexicon” and “religious lexicon”, comparing and juxtaposing them, as well as singling out constituent elements of the categories “church lexicon”, “religious lexicon”, “sacral lexicon”, and “liturgical lexicon”. In this article are used the works of such scholars as A.A. Azarov, I.V. Bugaeva, S.V. Bulavina, N.S. Valgina, R.I. Goryushina, E.V. Kakorina, I.A. Koroleva, T.I. Kosheleva and others.

The results of the research show that the interest in the church lexicon as a lexical category among Russian linguists has increased since the late twentieth and early twenty-first centuries due to the revival of the Christian Church of various denominations, as well as other religious organizations. The long period of persecution of the Christian Church in Russia has affected church vocabulary, marginalizing it and relegating it to the periphery of the language. In the UK, USA and other English-speaking linguistic communities, the activities of the Christian Church have never been banned or persecuted, and the history of church vocabulary in the English language as such has never faced marginalization similar to that in Russia.

It has also been established that church vocabulary is part of the broader category of “religious vocabulary” and includes basic concepts from the sphere of the life of the Christian Church. Although scholars argue about the constituents of the category “church lexicon”, many agree that it includes the names of sacraments and rites, elements of the church calendar, names of church buildings and their elements, items of decoration, elements of vestments, as well as names of persons in relation to the Christian faith and the Christian Church.

This article may be of interest to philologists, linguists, and teachers of the Russian and English languages.

Keywords: lexical category, church vocabulary, religious vocabulary, liturgical vocabulary, vocabulary composition, terminology

For citation: Makarov N.S. (2024). The Church lexicon as a lexical category. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 38–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49>

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Н.С. Макаров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению церковной лексики как лексической категории. Целью настоящей статьи является анализ и сопоставление различных лингвистических точек зрения о ключевых этапах развития церковной лексики в рамках русского и английского языка, выявление единого определения категории «церковная лексика», а также установление наиболее важных составных элементов этой категории.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящей статьи используется метод анализа источников, их последующего сравнения и сопоставления, выявление аналогий и схожих черт, а также синтез почерпнутой из данных источников информации.

В качестве материала исследования выступают диссертации, научные статьи и работы современных отечественных учёных, в которых анализируются и сопоставляются понятия «церковная лексика» и «религиозная лексика», выявляются составные элементы «церковной лексики», «религиозной лексики», «сакральной лексики» и «богослужебной лексики». В статье используются работы таких учёных как А.А. Азаров, И.В. Бугаева, С.В. Булавина, Н.С. Валгина, Р.И. Горюшина, Е.В. Какорина, И.А. Королева, Т.И. Кошелева и др.

В результате исследования было установлено, что интерес к церковной лексике как к лексической категории в среде русских учёных-лингвистов возрос с конца XX – начала XXI вв. в связи с возрождением христианской Церкви различных деноминаций, а также других религиозных организаций и проповедников христианского толка. Длительный период гонений на христианскую Церковь в России сказался на церковной лексике, маргинализировав и выдвинув её на периферию языка. В Великобритании, США и других англоговорящих лингвосообществах деятельность христианских Церквей никогда не подвергалась ни запрету, ни преследованиям, в этой связи история церковной лексики в рамках английского языка не сталкивалась с периодами маргинализированности.

Также было установлено, что церковная лексика является частью более широкой категории «религиозная лексика» и включает в себя основные понятия из сферы жизни христианской Церкви. И хотя учёные спорят относительно конкретного состава категории «церковная лексика», многие сходятся в том, что в него входят названия таинств и обрядов, элементы церковного календаря, наименования церковных сооружений и их элементов, предметов убранства, элементов облачений, а также наименования лиц по отношению к христианской вере и христианской Церкви.

Настоящая статья может представлять интерес для филологов, лингвистов, а также преподавателей русского и английского языка.

Ключевые слова: церковная лексика, религиозная лексика, богослужебная лексика, словарный состав, терминология

Для цитирования: Макаров Н.С. (2024). Церковная лексика как лексическая категория. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 38–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49>

1. Вступление

Настоящее исследование посвящено исследованию истории церковной лексики как лексической категории в рамках словарного состава русского и английского языков, рассмотрению самого понятия «церковная лексика», взаимоотношению церковной лексики с более широкими понятиями, такими как «религиозная» и «сакральная лексика», а также установлению ключевых компонентов, входящих в состав данной лексической категории.

Церковная лексика как часть более обширной категории «религиозная лексика» попала в область интереса отечественных учёных-лингвистов совсем недавно. Возникший интерес к проблематике церковной и религиозной лексики представляется возможным объяснить её появлением в сфере повседневного употребления, а также последствиями долгого отсутствия церковной лексики в поле лингвистического исследования.

В современной отечественной лингвистике церковная лексика как часть более широкой категории «религиозная лексика» рассматривалась такими учёными как П.А. Якимов [21], Т.И. Кошелева [8], И.В. Бугаева [2], С.В. Булавина [3], Р.И. Горюшина [5], И.А. Королева [7], М.В. Рабжаева, В.Е. Семенов [14], С.А. Смирнова [17], [18], Ю.В. Новикова [12], И.А. Крылова [9], М.В. Слаутина [16], Н.Б. Мечковская [10], А.М. Четырина [20] и другими. М.В. Рабжаева и В.Е. Семенов рассматривали исторические тренды, оказавшие влияние на развитие и функционирование церковной лексики в рамках словарного состава русского языка, К.А. Тимофеев предложил одну из наиболее полных классификаций религиозной лексики как лексической категории, а И.А. Королева представила собственное видение и определение сакрально-богослужебной лексики. С.В. Булавина рассматривала категорию религиозно-церковной лексики, а Р.И. Горюшева предложила наиболее детальный тематический состав данной категории.

В целом гипотеза настоящего исследования заключается в том, что церковная лексика является составной частью более широкой и развёрнутой категории «религиозная лексика». Относительно самого понятия «церковная лексика», представляется возможным предположить, что церковная лексика является лексической категорией, включающей в себя единицы, называющие или описывающие материальные стороны церковной жизни, такие как предметы религиозного культа, элементы убранства, архитектурные элементы, наименования праздников, ритуалов, а также духовных и светских лиц, относящихся к деятельности христианской Церкви.

Для подтверждения данной гипотезы был проанализирован обширный перечень статей и научных работ, посвящённых теме церковной лексики, её определения, взаимоотношению данной лексической категории с более широкой – «религиозной лексикой», были изучены и сопоставлены точки зрения различных учёных, а также предложено наше видение состава и определения церковной лексики.

2. История развития церковной лексики в России, Великобритании и США

Долгое время в Советском союзе господствовала атеистическая идеология, не позволявшая гражданам СССР открыто заявлять о своей принадлежности к какой-либо религиозной организации, а также свободно актуализировать своё вероисповедание путём участия в религиозных практиках, отправлении ритуалов и пр. На протяжении десятилетий любая религиозная деятельность осуществлялась под контролем государства и исключительно с его разрешения. Лишь в конце XX века вместе с утверждением свободы вероисповедания на территории России резко возрос интерес к религии, различным духовным практикам, религиозным организациям. Усилению интереса к религии способствовала не только деятельность возрождённой Православной Церкви, но и постепенное возрождение структур прочих христианских церквей, в частности, Католической Церкви, а также активная деятельность различных протестантских проповедников и организаций, занимавшихся распространением Нового Завета (к примеру, ассоциация «Гедеоновы братья») и популяризацией христианского вероучения.

Вместе с возрождением религиозной жизни в язык стали постепенно возвращаться слова, относящиеся к религиозной и церковной лексике. Отечественные филологи отмечали, что начиная с 1985 года в русский язык, используемый в повседневном общении, стали возвращаться лексические единицы, относящиеся к религиозной лексике [6, с. 67–68]. Ю.Н. Михайлова утверждала, что лишь в начале XXI века религиозная жизнь в России стала возрождаться [11, с. 4].

В целом же, многовековая история существования Церкви и прочих религиозных организаций в России оставила след на своеобразии церковной лексики в русском языке. Прежде чем перейти к непосредственному анализу понятия «церковной лексики» и различных элементов, относящихся к данной лексической категории, целесообразным представляется анализ исторических трендов и явлений, определявших роль церковной лексики в русском языке, предложенных М.В. Рабжаевой и В.Е. Семенковым.

Статья М.В. Рабжаевой и В.Е. Семенкова «Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и её социальные последствия» [14] посвящена анализу истории развития церковной лексики в рамках словарного состава русского языка, а также рассмотрению факторов, повлекших за собой наиболее значительные изменения в функционировании церковной лексики в русскоязычном лингвосообществе.

К **первому тренду**, определившему изменения церковной лексики, авторы относят гонения на церковь в XX веке. На рубеже XIX – XX веков церковная лексика являлась неотъемлемой частью повседневного языка, активно использовалась в повседневной жизни, так как церковная жизнь, важнейшие богословские понятия, базовая терминология, названия икон, праздников, элементов устройства храма были тесно связаны с посещением православного храма и участием в богослужениях. Во времена революционных преобразований в России церковная жизнь была запрещена, а церковная лексика была удалена на периферию языка и языкового сознания.

Е.В. Какорина говорит о том, что значительная часть церковного словаря пережила ряд трансформаций и преобразований, став секулярной и утратив сакральную часть собственного значения. Весь объём семантических значений данных лексических единиц сузился лишь к одному смысловому варианту [6]: «мирскому» значению, утратив прямую связь с сакральной сферой употребления.

Вторым трендом М.В. Рабжаева и В.Е. Семенков называют изменения в отношении к церковной лексике, связанные с секуляризацией культуры в советской России. Религиозная система мировоззрений и взглядов постепенно утрачивала свою значимость, уступая место светской, атеистической культуре, для которой использование церковной лексики совершенно не характерно. Авторы отмечают, что для данного тренда характерно также разделение русской культуры, объединявшей в себе светский и религиозный компонент, на две части: исключительно светскую и исключительно религиозную культуру. Светская культура доминировала, а религиозная стояла особняком. Следовательно, светский язык стал преобладать над религиозным, отодвигая его на периферию языка.

Третий тренд, по мнению авторов статьи, включает в себя кардинальные общеязыковые изменения. М.В. Рабжаева и В.Е. Семенков уточняют, что начиная с 90-х годов XX века практики функционирования речевого поведения сильно перестроились – главенствующей стала спонтанная форма речи, заранее не заготовленная. В категорию устной речи филологи того времени включали преимущественно заученные и фиксированные формы речи, которые воспроизводились в каждой конкретной ситуации, к примеру, речь актёров во время театрального выступления, лекции, проповеди, подготовленные публичные выступления и пр. Темп устной речи значительно повысился, появились новые сферы бытования устной речи, к примеру, митинги и выступления на них, демонстрации, неподготовленные выступления политиков и общественных деятелей.

Демократические преобразования 1990-х годов нашли своё отражение и в демократизации языка, «демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих» [4, с. 4]. Спонтанная речь начинала активно распространяться и использоваться в различных видах дискурса – прямые эфиры на радио и телевидении, дебаты, обсуждения в парламенте и пр. подразумевали именно неподготовленную, спонтанную речь. Свобода вероисповедания, пришедшая

практически одновременно с демократическим преобразованием, привела к возвращению церковной лексики в поле повседневного употребления: она перестала быть маргинализованной, вернулась с периферии языка в активную сферу употребления. Однако, как отмечают авторы статьи, была утрачена норма корректного произношения, а именно – ударения в словах, относящихся к категории церковной лексики.

Говоря об истории церковной лексики в странах-носителях англоязычной культуры, в частности, Великобритании и Соединённых Штатах, необходимо отметить, что ни в Соединённом Королевстве, ни в США не было периодов запрета религиозной деятельности и гонений на христианскую Церковь. Этим объясняется то, что церковная лексика никогда не была маргинализована и не находилась на периферии языка.

В 595 году святой Григорий Великий, Папа Римский, отправил святого Августина, монаха из Ордена Бенедиктинцев, в Британию. Его главной задачей была проповедь христианства в среде язычников-англосаксов и обращение короля Кента Этельберта в христианскую веру. К концу VII века в Англии стало главенствовать христианство, языческие религиозные культы были запрещены. Именно с тех пор, благодаря усилиям св. Августина и многих других монахов и проповедников, христианство постепенно распространялось и укреплялось в Англии. Вплоть до XVI века, до периода реформации, Англия находилась под властью Католической Церкви, господствовавшей в странах Европы. В 1534 году король Генрих VIII провозгласил себя главой английской Церкви, тем самым положив начало протестантскому периоду в английской истории. До настоящего времени одной из главенствующих христианских Церквей в Великобритании остаётся Англиканская Церковь, а монарх продолжает исполнять функцию формального главы церкви.

Церковная лексика, как было обозначено ранее, никогда не была запрещена в Великобритании, а в связи со сходством протестантской и католической церковной терминологии она не утратила своей значимости и до сих пор используется в повседневной устной и письменной речи. Хотя, безусловно, тенденции секуляризации общества, отхода от религиозной системы мировоззрения и некоторого уменьшения роли церкви в обществе, находят своё отражение в языке – единицы церковной лексики не так активно употребляются в повседневной речи как в начале и середине XX века, реже встречаются в произведениях массовой культуры, но, тем не менее, не утратили своей значимости в словарном составе английского языка.

В Соединённых Штатах также не было периодов запрета религиозной деятельности, христианство, в частности его протестантское ответвление, легло в основу американского взгляда на общественную жизнь и государственное устройство. В период с XV по начало XIX века европейские колонизаторы Североамериканского континента приносили с собой христианство – испанцы и французы принесли католичество, в то время как британцы, немцы, датчане и голландцы принесли с собой протестантизм, в частности – англиканство, лютеранство, пресвитерианство, пуританизм, методизм, квакерство и т.п. Позднее иммигранты из стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и иммигранты из Российской Империи, принесли с собой православие.

Религиозное разнообразие и доминирование христианских Церквей на территории США (по данным на 2021 год, 63% населения США называют себя христианами¹), а также религиозная свобода, гарантированная первой поправкой к Конституции США, обеспечивает свободное употребление церковной лексики в повседневной жизни, однако, как и в Великобритании, тенденция секуляризации и отхода от религиозного мировоззрения, сказывается на частоте употребления единиц церковной лексики.

Кратко рассмотрев историю церковной лексики в рамках русскоязычного и англоязычного общества, необходимо перейти к определению значения термина «церковная лексика» и установлению его соотношения с более обширным понятием «религиозная лексика».

¹ Pew Research Center - About Three-in-Ten U.S. Adults Are Now Religiously Unaffiliated [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/12/14/about-three-in-ten-u-s-adults-are-now-religiously-unaffiliated/> (дата обращения 04.03.2024)

3. Церковная лексика: подходы к её определению

Церковная лексика, по мнению целого ряда учёных, является составной частью более широкой категории «религиозная лексика», которая включает в себя слова, обозначающие религиозные понятия, которые «находятся в системных соотношениях друг с другом, и вместе взятые образуют то, что можно назвать религиозным мировоззрением» [19]. Учёные дают различные определения данной категории, однако, синтезировав различные подходы к определению данного термина, представляется возможным определить *церковную лексику как совокупность лексических средств, используемых для описания материальной стороны религиозной деятельности христианских Церквей различных деноминаций.*

Наиболее актуальным и спорным вопросом, обсуждаемым в рамках данной темы, является не само определение, а более детальная категоризация элементов, входящих в состав категории «церковная лексика», а также взаимоотношение данной категории с более широкими, такими как, к примеру, «религиозная лексика». Далее представляется необходимым рассмотреть точки зрения различных учёных относительно определения, а также состава данной лексической категории.

Среди учёных, занимавшихся разработкой вопроса категоризации религиозной лексики, является К.А. Тимофеев, который относит к *религиозной лексике* три подгруппы:

1. Термины и понятия, употребляемые в контексте всех монотеистических религий (*Бог, Творец, Создатель, душа, грех* и т.п.);
2. Термины и понятия, относящиеся исключительно к христианскому вероучению (*Святой Дух, Спаситель, Бог-Отец, Святая Троица, Богородица, Искупитель, архангел, святой, правдник* и т.п.);
3. Термины и понятия, характерные для отдельных христианских деноминаций и ответвлений (*литургия, месса, адорация, ксёндз, пастор, декан, поп, батюшка, потир, аспергий, звездица, катапетасма, иконостас* и т.п.).

Также к религиозной лексике К.А. Тимофеев относит и слова «добро, зло, брак, прощение, спасение, культ, материя» [19].

По мнению К.А. Тимофеева, «религиозная лексика» является весьма обширной категорией. Она включает ряд элементов, не специфичных для какой-либо религиозной традиции, а являющихся понятиями универсального характера, описывающих реалии различных монотеистических религиозных школ и находящих своё отражение в языке. Действительно, в соответствии с классификацией К.А. Тимофеева, религиозная лексика представляется в виде обширной лексической категории, включающей в свой состав терминологические единицы и понятия, характерные не только для христианской религии, но и для прочих монотеистических традиций, к примеру, исламу и иудаизму. При этом стоит отметить, что, исходя из представленной классификации учёного, лексика, характерная для политеистических религий (таких как, к примеру, индуизм), не относится к категории «религиозная лексика», что представляет определённую трудность для её дальнейшей классификации. На наш взгляд, также как и по мнению других учёных-специалистов, терминология и понятия, используемые в контексте политеистических религий, тоже относятся к категории «религиозная лексика», так как они касаются вопросов религиозной жизни, отправления культа и почитания божеств.

Похожего подхода к определению религиозной лексики придерживался также и А.А. Азаров, относивший к религиозной лексике слова, возникшие на базе мировых религий и используемые для отправления ритуалов, обрядов, описания архитектурных сооружений, художественных произведений, активно используемые в религиозоведческих и богословских исследованиях. Кроме того, он относит к этой категории имена святых, религиозных деятелей, названия религиозных праздников, именованья элементов религиозной атрибутики и пр. [1, с. 89]. В данном случае сходство точек зрения К.А. Тимофеева и А.А. Азарова состоит в том, что оба учёных относят к «религиозной лексике» преимущественно терминологию мировых религий, к которым традиционно относятся две основные монотеистические авраамические религии – христианство и ислам,

а также одну из основных религий Востока – буддизм. Однако затруднение в данной классификации представляет неоднозначность самого понятия «мировая религия», так как по информации, содержащейся в ряде источников, к примеру, в Encyclopedia Britannica, к мировым религиям в настоящее время относятся также и иудаизм, синтоизм, конфуцианство, даосизм и индуизм. Таким образом, исходя из традиционной и более современной интерпретации понятия «мировая религия», А.А. Азаров включает в понятие «религиозной лексики» лексику, относящуюся не только к монотеистическим, но и политеистическим религиям, что является ключевым отличием в позициях Азарова и Тимофеева.

Другим термином, используемым для описания данной лексической категории, является термин *сакрально-богослужебная лексика*, предложенный И.А. Королевой. Под ним она понимает языковые единицы, связанные с отправлением религиозных ритуалов и обрядов, религиозного культа в целом, которые имеют сакральный характер для носителей языка в рамках определённого лингвокультурного сообщества [7]. Узкая функциональная специфика данных языковых единиц определила их стилистическую маркированность в языках и объясняет их принадлежность к возвышенной, торжественной лексике, оказывающей сильное эмоциональное и эстетическое воздействие на реципиента.

С точки зрения И.А. Королевой, данная лексическая категория сочетает в себе две категории – *сакральную и богослужебную* лексику. К сакральной лексике автор относит слова, базирующиеся на понятии «вера» и отражающие степень обладания святостью и сверхъестественной силой, к примеру, такие понятия, как: «Вседержитель», «Саваоф», «Искупитель», «Мессия», «Богородица», «серафим», «херувим», «архангел», «ангел», «бес», «дьявол», «нечистый». Автор разделяет данную категорию на три лексико-семантические группы: «Бог-дьявол», «Высшие существа» и «Последователи-противники Бога» [там же]. Таким образом, категория сакральной лексики имеет определённое сходство с первой и второй категориями, предложенными К.А. Тимофеевым, к которым относятся термины и понятия, характерные для основных монотеистических религий, а также специфические христианские понятия. В данном случае, разделение «религиозной» или «сакрально-богослужебной» лексики (данные термины представляется возможным использовать в качестве синонимов) представляется предельно целесообразным, так как метафизический аспект религии, её элементы, относящиеся к трансцендентному познанию, используя терминологию Иммануила Канта, выходят за рамки материального мира и находят своё символическое отражение в другой лексической категории, которую И.А. Королева определяет как «богослужебную лексику».

К богослужебной лексике И.А. Королева относит лексические единицы, связанные с понятиями «религия» и «церковь», то есть единицы, обозначающие материальные предметы и сооружения, используемые для совершения ритуалов и обрядов, а также лиц, участвующих в отправлении религиозного культа. К категории предметов и сооружений относятся наименования архитектурных сооружений и архитектурных элементов, элементов богослужебной утвари, наименований предметов церковного облачения и пр. Богослужебную лексику автор подразделяет на три лексико-семантические подгруппы: «Люди», «Место, строение» и «Атрибутика» [там же]. Категория «Люди» включает в себя наименования духовных лиц, участвующих в отправлении культа (например, *епископ, священник, дьякон, алтарник, певчий* и т.п.). Категория «Место, строение» включает в себя наименования архитектурных элементов и сооружений (например, *собор, церковь, часовня, апсида, алтарь, придел, альков, крипта, баптистерий, ризница* и т.п.). Категория «Атрибутика» включает в себя наименования предметов и атрибутов, используемых для отправления религиозного культа, а также предметов почитания (например, *престол, дарохранительница, жертвенник, иконостас, катапетасма, звезда, аналой, копие, потир, монстранция, курительница, кадилница* и т.п.).

Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет точка зрения С.В. Булавиной, определившей данный пласт лексики как *религиозно-церковную лексику* [3]. К религиозной лексике она относит единицы, называющие основополагающие понятия, существующие в рамках христианского вероучения и содержащиеся в Библии. При этом, исходя из точки зрения автора, к данной категории не относится лексика, касающаяся иных религиозных традиций. С.В. Булавина

под «религиозной лексикой» понимает, в первую очередь, лексику, связанную с христианским вероучением, что в некоторой степени противоречит точке зрения К.А. Тимофеева, который включал в данную категорию лексику, относящуюся к различным монотеистическим религиозным традициям. К церковной лексике С.В. Булавина относит единицы, называющие материальную сторону жизни Церкви, элементы храмового убранства и предметы, необходимые для отправления культа, различные ритуалы и обряды. Представляется возможным провести знак равенства между категорией «церковной» лексики, предложенной С.В. Булавиной, и категорией «богослужебной» лексики, о которой писала И.А. Королева. Обе категории включают в себя наименования материальных предметов и лиц, относящихся к отпавлению христианского религиозного культа.

По мнению учёного, категория «религиозная лексика» подразделяется на несколько подкатегорий, а именно:

1. Наименования Бога и приближённых к Богу существ – *Господь, Христос, Владыка, Спаситель, Спас, Богородица, ангел, мученик* и др.
2. Наименования существ, связанных с противостоящей Богу силой – *антихрист, сатана, дьявол, бес, демон, чёрт* и др.
3. Наименование мест и состояний, касающихся загробной жизни – *ад, чистилище, рай, геенна, тьма* и др.
4. Наименования понятий, касающихся системы религиозных представлений о человеке, о его добродетелях и пороках – *душа, грех, вера, грехопадение, искупление* и др. [17, с. 88–89].

Особый интерес в рамках рассмотрения данной проблематики вызывает вопрос наименования представленных выше категорий. С.В. Булавина считает, что термин «религиозная лексика» связан с понятием «религия», а И.А. Королева считает, что термин «сакральная лексика» связан с понятием «вера» [там же]. При этом оба данных термина имеют схожую семантику, а именно – убеждённость в существовании высших божественных сил, свойственную представителям человеческого сообщества. Стоит отметить, что сам термин «религия» подразумевает организованность и некоторую структурированность процесса актуализации собственной веры или, иными словами, религиозных убеждений. В этой связи представляется возможным рассматривать понятия «религиозная» и «сакральная» лексика как схожие, сопоставимые и имеющие аналогичные лексические значения.

К категории «церковная лексика» С.В. Булавина также относит 4 категории:

1. Наименования предметов, используемых для отправления культа, например, – *икона, распятие, кадило, кропило* и т.п.
2. Наименования церковных таинств, ритуалов и обычаев, например, – *крещение, миропомазание, елеопомазание, проповедь, исповедь* и т.п.
3. Наименования архитектурных элементов и частей внутреннего и внешнего церковного устройства, например, – *апсида, неф, клирос, колокольня, купол* и т.п.
4. Наименования единиц церковного административного устройства, например, – *епархия, экзархат, патриархат, приход, монастырь, аббатство* и т.п. [17, с. 89].

Схожего подхода к определению церковной лексики придерживается и М.Е. Петухова [13, с. 9], которая включает в данную категорию следующие 3 лексико-семантические группы:

1. Названия церковных помещений, сооружений, поселений (*собор, церковь, часовня, курия, монастырь, аббатство, епархия, келия, ризница, алтарь* и т.п.);
2. Обозначения предметов церковной утвари, облачения, культовых атрибутов (*дарохранильница, престол, паникадило, катапетасма, завеса, звезда, потир, копие, чаши, дискос, епитрахиль, альба, митра, икона, распятие* и т.п.);
3. Наименования лиц по их связи с христианской верой, чинов, сословий, верующих и неверующих людей и иноверцев, монахов и мирян (*епископ, митрополит, папа, патриарх, архимандрит, алтарник, министр, церемониарий, аббат, настоятель, декан* и т.п.).

Автором наиболее широкого и развёрнутого описания тематического состава церковной лексики, включающего в себя пять категорий, является Р.И. Горюшина [5], которая относит к данной лексической группе следующие подкатегории:

1. Наименования христианских таинств, обрядов и ритуалов, а также предметов религиозного поклонения (*богослужение, месса, литургия, крещение, венчание, крест, распятие, икона* и пр.).
2. Наименования представителей церковной иерархии (*папа, кардинал, епископ, патриарх, митрополит, монах, архимандрит* и пр.).
3. Наименования предметов, используемых для совершения религиозных обрядов и церемоний, церковной утвари (*дискос, потир, чаша, копие, облатка, просфора* и т.п.).
4. Наименования религиозных торжеств, праздников и прочие особые даты церковного календаря (*Крещение Господне, Вербное воскресенье, Рождество Иоанна Предтечи, Страстная пятница* и т.п.).
5. Наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг (*Библия, Евангелие, Псалтирь, требник, житие, миссал, breviарий* и т.п.).

4. Результаты исследования

По результатам проанализированных выше подходов к определению категорий «церковная лексика» (С.В. Булавиной, М.Е. Петуховой и Р.И. Горюшиной) и «богослужебная лексика» (И.А. Королевой), представляется возможным в виду их сходства рассматривать данные категории как синонимы.

Кроме того, после рассмотрения подходов к определению состава лексической категории «церковная лексика» представляется возможным предложить свой подход к классификации данной лексической категории, на наш взгляд, наиболее полно отражающий её состав:

1. Наименования церковных поселений, сооружений и помещений (*монастырь, собор, аббатство, церковь, часовня, храм, баптистерий* и т.п.).
2. Наименования предметов поклонения, святынь и реликвий (*Пресвятые Дары, распятие, крест, икона, мощи, реликвия* и т.п.).
3. Наименования предметов церковной утвари, облачения (*монстранция, дарохранительница, престол, жертвенник, потир, звезда, воздух, епитрахиль, риза, митра, клобук, орарь, альба* и т.п.).
4. Наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг (*Библия, Евангелие, Псалтирь, требник, миссал, breviарий, молитвенник* и т.п.).
5. Наименования религиозных праздников, торжеств и особенных дней (*Пасха, Рождество, Семидесятница, Страстная Пятница* и т.п.).
6. Наименования христианских богослужений, таинств, обрядов и ритуалов (*литургия, месса, исповедь, священство, рукоположение, освящение, благословение* и т.п.).
7. Наименования лиц по их отношению к христианской вере и церковной иерархии (*папа, патриарх, митрополит, епископ, священник, монах, аббат, декан* и т.п.).
8. Наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства (*апсида, неф, трансепт, клирос, альков, колокольня, купол, шпиль, витраж* и т.п.).
9. Наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки (*лампада, свеча, подсвечник, покрывало, скамья, орган, кафедра, курильница, благовоние, масло* и т.п.).

Отличительной чертой предложенной нами классификации являются два последних пункта, называющих архитектурные элементы, предметы и субстанции, не имеющие исключительной связи с христианством или христианской церковью, однако в определённом контексте выступающие в качестве наименования предметов или явлений, являющихся неотъемлемой частью церковного обихода. Выделение данных подпунктов в качестве отдельных составных частей категории «церковная лексика» продиктовано тем, что не все предметы, используемые в рамках христианского богослужения, могут быть отнесены исключительно к церковной сфере употребления, однако в контексте, связанном с описанием храмового устройства или убранства, ритуалов и обрядов, церемоний и событий, связанных с отправлением христианского религиозного культа, данные наименования начинают выполнять роль единицы церковной лексики.

Для обоснования данной точки зрения можно обратиться к «Словарю православной церковной культуры», в котором Г.Н. Склярёвская [15, с. 7] предлагает собственную детализированную классификацию церковно-религиозной лексики, состоящую из 7 категорий: названий таинств, элементов церковного календаря, церковных праздников, форм и элементов богослужения, храма и его частей, предметов богослужения, священнических облачений и их частей, наименований церковной иерархии. При этом к категории «храм и его части» отнесены такие термины, как «амвон», «придел» и другие, являющиеся также и архитектурными терминами.

Необходимо также обозначить, что категория «церковная лексика» не ограничена какой-либо конкретной христианской деноминацией и в этой связи в настоящей работе под Церковью понимается совокупность христианских церквей различных деноминаций, разделяющих основополагающие постулаты христианского вероучения и, соответственно, церковная лексика в настоящем исследовании не ограничена какой-либо конкретной традицией, а понимается как совокупность лексических единиц, используемых для описания религиозной жизни и материальной, обрядовой составляющей и пр. различных христианских церквей.

5. Выводы

Таким образом, церковная лексика является частью более широкой категории «религиозная лексика» и используется для описания явлений и событий, касающихся материального бытования Церкви. Хотя у лингвистов нет единой позиции относительно конкретной структуры церковной лексики как лексической категории, представляется возможным обозначить следующие элементы, предложенные вышеперечисленными учёными: названия таинств и обрядов, элементы церковного календаря, наименования торжеств и праздников, наименования церковных сооружений и их элементов, предметов убранства, элементов облачений, а также наименования лиц, связанных с христианской религиозной традицией и христианской Церковью.

В качестве составных элементов данной лексической категории представляется возможным определить: наименования церковных поселений, сооружений и помещений; наименования предметов поклонения, святынь и реликвий; наименования предметов церковной утвари, облачения; наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг; наименования религиозных праздников, торжеств и особенных дней; наименования христианских богослужений, таинств, обрядов и ритуалов; наименования лиц по их отношению к христианской вере и церковной иерархии; наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства; наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки.

Список литературы

1. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики / А. А. Азаров. Москва : РУССО, 2002.
2. Бугаева И.В. Православная лексика в русском и финском языках/ Бугаева И.В.// *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*, Хельсинки, 2010 [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/27-sh40.pdf> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : автореф. дис. канд. филол. наук / С.В. Булавина [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoichivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке/ Н.С. Валгина. Москва: Логос, 2001.
5. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских слов) : автореф. дис.... канд. филол. наук / Р.И. Горюшина [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-pryamykh-konfessionalnykh-i-pro> (дата обращения 22.01.2024).
6. Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / отв. ред. Е. А. Земская. Москва: Языки русской культуры, 2000.
7. Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в художественном тексте: автореф. дис. ...канд. филол. наук/ И.А. Королева [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaya-sakralno-bogosluzhebnaia-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (дата обращения: 22.01.2024).
8. Кошелева Т.И. Лексика православия в речи журналистов. / Т.И. Кошелева// *Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого* [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviya-v-rechi-svetkskh-zhurnalistov/viewer> (дата обращения 24. 01. 04).
9. Крылова И.А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дис. .. канд. филол. наук / И. А. Крылова. Санкт-Петербург, 2005.
10. Мечковская Н.Б. Язык и религия (лекции по филологии и истории религий) / Н. Б. Мечковская. Москва: ФАИР, 1998.
11. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и её судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Ю.Н. Митина. Екатеринбург, 2004. с. 4.
12. Новикова Ю.В. Роль церковно-религиозной лексики в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» /Ю.В. Новикова// *Балтийский гуманитарный журнал*, т. 7 №4(25), 2018.
13. Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук / М. Е. Петухова. Казань, 2003.
14. Рабжаева М.В. Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и её социальные последствия/ М.В. Рабжаева, В.Е. Семенов// *Вестник СПбГУКИ* №4 (13) Декабрь 2012 с.181–186.
15. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Складневская. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
16. Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Слаутина. Екатеринбург, 2006.
17. Смирнова С.А. О понятии «церковная лексика» / С.А. Смирнова // *Научный диалог*. 2014. № 12 (36): Филология.
18. Смирнова С.А. Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание): дис. ... канд. филол. наук / С. А. Смирнова. Архангельск, 2005.
19. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: монография / К.А. Тимофеев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения: 22.01.2024).
20. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка/ А.М. Четырина// *Актуальные вопросы изучения духовной культуры*. Ярославль: Ремдер, 2010.
21. Якимов П.А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий/ П.А. Якимов // *Вестник ОГУ* №9 (158) Сентябрь 2013.

References

1. Azarov, A.A. *Russko-angliiskii slovar' religioznoi leksiki* [Russian-English Dictionary of Religious Vocabulary]/ A.A. Azarov. Moscow: RUSO, 2002.
2. Bugaeva, I.V. *Pravoslavnaia leksika v russkom i finskom iazykakh* [Orthodox vocabulary in Russian and Finnish languages]/ I.V. Bugaeva // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*, Helsinki, 2010.
3. Bulavina, S.V. *Russkie ustoichivye slovosochetaniia, soderzhashchie tserkovno-religioznuiu leksiku*. Autoref. dis. kand. filol. nauk [Russian stable word combinations containing church-religious vocabulary]/ S.V. Bulavina, <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoichivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (Accessed 22 January 2024).
4. Valgina, N.S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke* [Active processes in the modern Russian language] / N.S. Valgina. Moscow: Logos, 2001.
5. Goriushina, R.I. *Leksika khristianstva v russkom iazyke (sistemnoe otnoshenie priamykh konfessional'nykh i proizvodnykh svet-skikh slov)*: Autoref. Dis.... kand. filol. nauk [The lexicon of Christianity in the Russian language (systemic relation of direct confessional and derived secular words)] / R.I. Goriushina, <https://www.dissercat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-pryamykh-konfessionalnykh-i-pro> (Accessed 22 January 2024).
6. Kakorina, E.V. *Transformatsii leksicheskoi semantiki i sochetaemosti (na materiale iazyka gazet)* [Transformation of lexical semantics and combinability (on the material of newspaper language)] / E.V. Kakorina // *Russkii iazyk kontsa XX stoletia (1985-1995)* / отв. ред. Е.А. Земская. Moscow: Iaziki russkoi kul'turi, 2000.

7. Koroleva, I.A. *Pravoslavnaia sakral'no-bogoslužebnaia leksika v khudozhestvennom tekste*: Autoref. Dis. ... kand. filol. nauk [Orthodox sacral and devotional vocabulary in the artistic text] / I.A. Koroleva, <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaia-sakralno-bogoslužebnaia-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (Accessed 22 January 2024).
8. Kosheleva, T.I. *Leksika pravoslaviia v rechi zhurnal'istov* [Lexicon of Orthodoxy in the speech of journalists] / T.I. Kosheleva // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviya-v-rechi-svetskih-zhurnal'istov/viewer> (Approached 24 January 2024).
9. Krylova, I.A. *Sovremennaia pravoslavnaia propoved' v funktsional'no-stilisticheskom aspekte*: Dis. Kand. filol. nauk. [Modern Orthodox sermon in functional and stylistic aspect] / I.A. Krylova. Saint-Petersburg, 2005.
10. Mechkovskaia, H. B. *Iazyk i religiia* (leksii po filologii i istorii religii) [Language and religion] / N.B. Mechkovskaia, Moscow: FAIR, 1998.
11. Mikhailova, Iu.N. *Religioznaia pravoslavnaia leksika i ee sud'ba (po dannym tolkovykh slovari russkogo iazyka)*: Autoref. kand. filol. nauk [Religious Orthodox lexicon and its fate (according to explanatory dictionaries of the Russian language)] / Iu.N. Mikhailova. Yekaterinburg, 2004.
12. Novikova, Iu.V. *Roľ tserkovno-religioznoi leksiki v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita»* [The role of church-religious vocabulary in M.A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita*] / Iu.V. Novikova // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* №4(25), 2018.
13. Petukhova, M.E. *Funktsional'nye osobennosti tserkovnoi leksiki s predmetnym znacheniem v russkom iazyke*: Autoref. Dis. ... kand. filol. nauk. [Functional peculiarities of the church lexicon with subject meaning in Russian] / M.E. Petukhova. Kazan, 2003.
14. Rabzhaeva, M.V., Semenov, V.E. *Sovremennaia tserkovnaia leksika: problema normativnogo proiznosheniia i ee sotsial'nye posledstviia* [Modern Church vocabulary: the problem of normative pronunciation and its social consequences] / M.V. Rabzhaeva, V.E. Semenov // *Vestnik SPbGUKI* №4(13), 2012.
15. Skliarevskaiia, G.N. *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church Culture] / G.N. Skliarevskaiia. Saint-Petersburg: Nauka, 2007.
16. Slautina, M.V. *Osobennosti reprezentatsii khristianskoi kartiny mira v leksike russkogo iazyka*: Autoref. Dis. ... Kand. filol. nauk. [Peculiarities of representation of the Christian picture of the world in the lexicon of the Russian language] / M.V. Slautina. Yekaterinburg, 2006.
17. Smirnova, S.A. *O poniatii «tserkovnaia leksika* [On the concept of «ecclesiastical vocabulary»] / S.A. Smirnova // *Nauchnyi dialog* №12(36), 2014.
18. Smirnova, S.A. *Sviatost' kak fenomen russkoi kul'tury (semanticheskoe i lingvokul'turologicheskoe opisanie)*: Dis... kand. filol. nauk. [Sainthood as a phenomenon of Russian culture (semantic and linguocultural description)] / S.A. Smirnova. Arkhangelsk, 2005.
19. Timofeev, K.A. *Religioznaia leksika russkogo iazyka kak vyrazhenie khristianskogo mirovozzreniia: monografiia* [Religious vocabulary of the Russian language as an expression of the Christian worldview] / K.A. Timofeev, <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (Accessed 22 January 2024).
20. Chetyrina, A.M. *K voprosu o razgranichenii tserkovnoi i religioznoi leksiki v tolkovykh slovariakh russkogo iazyka* [On the question of differentiation of church and religious lexicon in explanatory dictionaries of the Russian language] / A.M. Chetyrina // *Aktual'nye voprosy izucheniia dukhovnoi kul'tury*. Yaroslavl: Remder, 2010.
21. Iakimov, P.A. *Religioznaia leksika – tserkovnaia leksika – bibleiskaia leksika: k voprosu o sootnoshenii poniatii* [Religious lexicon – church lexicon – biblical lexicon: a question about the correlation of concepts] / P.A. Iakimov // *Vestnik OGU* №9 (158) 2013.

Сведения об авторе:

Макаров Никита Сергеевич – аспирант и преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД РФ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексический состав английского и русского языка, особенности перевода прецедентных единиц, межкультурная коммуникация, история и культура Соединённого Королевства, социальное учение и моральная теология (нравственное богословие) Католической Церкви, взаимосвязь богословия и музыки. E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

About the author:

Nikita S. Makarov is Postgraduate student and Lecturer at the Department of English Language No. 3 of MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of scientific and professional interests: lexical composition of the English and Russian languages, peculiarities of translation of precedent units, intercultural communication, history and culture of the United Kingdom, social doctrine and moral theology (moral theology) of the Catholic Church, interrelation of theology and music. E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

* * *